

К. В. ГЕРШ

ОБРАЗ ИСТОРИКА И ЕГО РЕМЕСЛА НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ИСТОРИКА-МЕДИЕВИСТА И. В. ГРЕВСА

В статье сделана попытка реконструкции образа Историка и его ремесла в представлении историка-медиевиста И.М. Гревса (1860–1941). В центре внимания автора – представления ученого о профессиональных и личностных качествах историка, его статусе и роли в научном сообществе, целях и задачах профессиональной деятельности. При воссоздании собирательного образа Историка автор привлекает автобиографический материал, воспоминания и заметки Гревса об учителях, коллегах, учениках, рецензии, историографические введения лекционных курсов, а также некрологи.

Ключевые слова: образ ученого, ремесло историка, профессиональная самоидентификация, учитель – ученик, методы исторического исследования, медиевистика.

Развитие историографического знания и выход его на качественно новый уровень связаны прежде всего с успехами культурологической и антропологической тенденций в исторической науке. Интерес историографов все больше обращен не только к историческим концепциям ученых («готовым знаниям»), но и к возможным способам их получения. Предметное поле расширяется за счет включения таких новых исследовательских единиц, как «историографический быт», «образ науки», «незримый колледж», «культурное гнездо», «межкоммуникационные связи»¹ и т.д. В этой связи наблюдается интерес и к проблеме «образа историка» в историко-научном и культурном пространствах. Исследованием образа историка в русской культуре XIX–XX вв. занимаются И.Л. Беленький², О.Б. Вахромеева³, В.П. Корзун⁴, М.А. Мамонтова⁵.

И.Л. Беленький одним из первых поставил проблему комплексного исследования образа историка. Он предложил систему «обобщенных представлений различной мощности об историках», которые определяются их личностно-психологической стилистикой и стилем научного

¹ Значительная роль в этом принадлежит Омской историографической школе во главе с В.П. Корзун. В последнее время вышли монография и учебное пособие для вузов по историографии и истории исторической науки: Бычков. 2001; Очерки истории отечественной исторической науки... 2005.

² Беленький. 2000; 2005.

³ Вахромеева. 2001.

⁴ Корзун. 1992; 2000.

⁵ Мамонтова. 2000; 1998.

мышления; мировоззренческой и политической ориентацией; этнокультурной и культурно-исторической идентичностью; рангом и статусом в академическом и университетском сообществах; принадлежностью к определенным научным школам, течениям и направлениям; поколенческой стратификацией; профессиональной связанностью с различными сферами политической, общественной и культурной жизни; органической связанностью с основными пространственными конфигурациями отечественной исторической науки: «московским», «петербургским» и другими ее «текстами»; родовой принадлежностью к тем или иным культурно-историческим или политическим эпохам России XIX–XX вв.⁶ Ученый предлагает строить исследования в этом направлении с целью создания «обобщенного образа» историка указанного периода.

Исследуя «образ историка», мы не можем не привязывать его к определенной эпохе, локальному сообществу, идеологии, определенной личности. Важное влияние оказывает и европейская историческая традиция, особенно когда речь идет о рубеже XIX–XX вв. Модели подобных образов динамичны: определенной эпохе присущ свой образ Историка. У нас вызывает возражение лишь рассуждение Беленького вслед за В.П. Визгиным о том, что в методологической теории существует образ «идеального историка», который следует признать за образец, что возможно создать некий «обобщенный образ историка», но, к сожалению, «современная историческая и историографическая практика пока далека от этого»⁷. Но в рамках одного локального сообщества могут вырисовываться разные образы Историка, не совпадающие во многих узловых пунктах. Так, образ И.М. Гревса, созданный его ближайшими учениками – О.А. Добиаш-Рождественской, Е.Ч. Скржинской или Л.П. Карсавиным, не всегда отражал «реальную фигуру» историка. Это связано со многими факторами: историческими подходами, научным кредо, методологическими пристрастиями, философскими взглядами, идеологией и т.д. Не вызывает возражения и то, что образ историка начала и конца XIX века или образ советского историка конца десятих – начала двадцатых годов и 30-40-х гг. не идентичны. По мере становления и развития исторического мировоззрения того ли иного ученого меняется и конструирование этого образа.

Наше внимание обращено к «образу Историка» и его ремеслу в историческом наследии историка-медиевиста Ивана Михайловича Гревса. Интерес к этой проблеме возник в результате знакомства с той частью

⁶ Беленький. 2000. С. 20-21.

⁷ Там же. С. 14, 21-22.

источников, где Гревс давал характеристику собратьям по цеху и оценивал их деятельность. Казалось, это должно отражать прежде всего жизнь и исследовательские пристрастия тех, о ком писал историк. Но при внимательном рассмотрении мы можем увидеть сквозь призму «другого» самого историка, который, пользуясь своей шкалой ценностей, традициями своего локального сообщества, пытался дать оценку и самому себе, выделял значимое и ценное для себя, точнее создавал некий «образ». Человек смотрится в другого человека, как в зеркало, видя в нем свое отражение. Создаваемый образ возникал не на пустом месте. Оценки давались исходя из собственного опыта, сравнительные линии выстраивались в том случае, если они «задевали» историка, и он видел «свое», используя при этом только отрефлексированное знание. По словам Т.А. Павловой, в биографии, как ни в каком ином жанре, автор выражает самого себя через того героя, которому посвящено его исследование, а через себя – и особенности, и требования, и сущность своего времени⁸. Так мы можем конструировать не только портрет того или иного историка, но и тот «образ», который создавал сам пишущий.

Под «образом историка» мы понимаем совокупные представления ученого о профессиональных и личностных качествах историка, его статусе и роли в историческом сообществе, целях и задачах своего ремесла, т.е. о своей профессиональной деятельности и отношении историка к ним. Реконструируется этот образ через анализ биографий, отдельных характеристик историков, созданных Гревсом. В то же время стоит отметить, что понятия «образ» и «идеальный образ» не тождественны друг другу. Идеальный образ априори не должен иметь изъянов и недостатков, он менее всего имеет отношение к реальности, к нему можно стремиться, но достигнуть практически невозможно. Чаще всего это «искусственно» созданный образ. Для «неидеального образа» характерны человеческие несовершенства, различные степени отклонения от идеала. Создавал ли Гревс «идеальный образ» историка и его ремесла?

В наследии Гревса мы не найдем, конечно, ни одного документа, который бы комплексно отражал образ Историка его собственными глазами. Выявить этот конструкт – цель исследователя. При его воссоздании нами будут использованы опосредованные, непосредственные и косвенные источники: автобиографические материалы (так называемые «эго-документы»), воспоминания и заметки об учителях, коллегах, современниках, характеристики историков в рамках историографического обзора университетских курсов, рецензии и некрологи. Такие, казалось бы, «не-

⁸ Павлова. 1995. С. 86.

надежные), «субъективные» источники, в которых запечатлен эмоционально-психологический и интеллектуальный мир личности, его самосознание и индивидуальный жизненный опыт, вышли на первый план не вопреки, а именно благодаря своей субъективности. В нашем случае именно она и явилась предметом исследования. При анализе этой субъективности мы обращали внимание не на воссоздание портретов историков, которые «рисовал» Гревс, а на оценки, особые привлекательные и отталкивающие качества, которые отмечал историк, *автохарактеристики*, саморефлексию⁹. Исходя из этого, высвечивались совокупные представления Гревса – собирательный образ Историка. В этой связи на первый план выступала проблема взаимодействия/столкновения двух (вернее трех) субъектов: с одной стороны, героя биографии – историка со своим мировоззрением, вписанного в свое время и неразрывно связанного со своей научно-исторической, культурной традицией; с другой – историка, создававшего биографию (И.М. Гревса), со своей системой ценностей, испытывавшего столь же глубокую и разностороннюю зависимость от своего времени и своей культуры; с третьей – исследователя, занимающегося изучением данного феномена, на которого также налагает отпечаток время и культурно-историческая среда. При разрешении данной проблемы важна перекрестная верификация: проверка опосредованных источников и их данных непосредственными и косвенными источниками.

При создании биографий и характеристик историков Гревс практически всегда пользовался единой универсальной схемой: «биография и ее влияние на складывание личности ученого»; характеристика главных сочинений и анализ исторической концепции; «метод ученой работы и понимание сущности его науки»; «ученый как человек»¹⁰. Главной задачей историка являлось «правдивое изображение»: «не буду слагать “панегрика”, предвзятого, отвлеченного, мертвенного восхваления; хочу восстановить живого человека, с плотью и кровью его, с духом, наполнявшим конкретную личность»¹¹. При этом важное место занимала способность представить духовную составляющую личности, поэтому

⁹ В этом отношении мы подчеркиваем принципиальное отличие от работы О.Б. Вахромеевой «Опыты истолкования души...» Она предлагает обзор той части архивного материала и опубликованных источников, в которых содержатся характеристики людей науки, культуры и искусства. Автор разбивает на группы весь источниковый материал и ограничивается лишь кратким пересказом содержания наиболее значимых воспоминаний.

¹⁰ По этому принципу построены биографии Фюстеля де Куланжа, В.П. Острогорского, В.Г. Васильевского, А.С. Лаппо-Данилевского и др.

¹¹ Гревс. 1920. Кн. 6. С. 45.

многие его этюды имели подзаголовок – «опыт истолкования души». Попытка восстановить привлекательный «духовный образ» присутствовала даже в небольших вступительных статьях к различным изданиям¹². Духовность историка была стержнем, вокруг которого разворачивалась характеристика его научного мировоззрения. Психологизация была неотъемлемой частью портретов многих ученых: Ренана, Фюстеля де Куланжа, А.С. Лаппо-Данилевского, В.П. Острогорского, В.Г. Васильевского.

Для Гревса эта духовность выростала из религиозности, была тесно связана с ней. В первую очередь он обращал внимание на религиозность историков. При «истолковании души» А.С. Лаппо-Данилевского он подчеркивал, что основная окраска личности дается религиозностью или безбожием¹³. Но глубокая религиозность вовсе не означала набожности. Часто это было даже не христианское мировоззрение, а глубокая потребность веры в бессмертие духа¹⁴. В своей статье «Памяти Ренана» Гревс представил свое понимание религиозности, в дальнейшем, при оценивании других историков, он исходил именно из этого определения: «Под религиозностью в данном случае я разумею потребность верить в высший смысл жизни [выделено автором], заходящий за пределы индивидуального существования отдельного человека, и современного общества и постоянно отыскивать его»¹⁵. Для историка человек – существо религиозное, но в философском смысле. Нет рассуждений о Боге, церкви, обрядовости, но есть вера и идеал, вернее вера в некий идеал. В описании первого университетского учителя И.М. Гревса В.Г. Васильевского встречаем: «...в нем было много глубоко-религиозных элементов в нравственной природе и умственном настроении. Он верил в высший смысл существования и в направление мировой жизни верховным началом к разумной цели. Он строил равновесие своей духовной жизни на идее эволюции мира к совершенству...»¹⁶. Стремление к совершенству и разумной цели, движение в их направлении, осмысление веры – вот идеалы Гревса. Стоит отметить, что это не означало конфликта или разрыва с наукой. Историк называл «замечательной чертой» умение находить компромисс, сочетать, примирять религиозное и научное мировоззрения: «Религия у него не вступает... в конфликт с наукой. Это... очень замечательная черта: уразумение так рано различия целей между ними,

¹² См., например, *Гревс*. 1923. С. 3.

¹³ *Гревс*. 1920. С. 50.

¹⁴ *Гревс*. 1896. Ч. 1. С. 156.

¹⁵ *Гревс*. 1896. С. 214-215.

¹⁶ *Гревс*. 1899 (а). С. 67.

возможности согласования относительной истины, добываемой наукой, со всеобъемлющей правдой религии»¹⁷.

При воссоздании образов Гревс выделял разные типы историков (эта традиция восходила еще к XVIII в.): историк-исследователь, историк-мыслитель, историк-художник, историк-популяризатор, историк-политик и др. Не выстраивая строгой иерархии этих типов, первое место он все же определял четко. Исследовательская доминанта была очевидной – это важнейшая задача и смысл профессии историка. Интересно, что для Гревса отнесение к тому или иному типу было связано не только с результатом работы историка, но и с поставленными им задачами. Для него важна комплексность в исполнении различных функций историка, которая связана с поиском некоего идеального образа. Например, Гизо он определил как историка-исследователя, мыслителя, политика¹⁸. Однако, по мнению Гревса, Гизо не был идеальным историком: в нем преобладал политик. Говоря об идеальном образе, Гревс не случайно любил повторять слова Ренана и разделял его точку зрения: «“Совершенным был бы тот человек, кто одновременно являлся бы поэтом, философом, ученым, нравственным человеком, притом не в известные промежутки и не в различные моменты (это было бы посредственное *совершенство!*) [выделено мной. – К.Г.], но в глубоком взаимопроникновении во всем протяжении жизни, который был бы поэтом в то время, как он является философом, философом и вместе ученым, словом в котором все элементы человечности слились бы в высшей гармонии”. Так должно отразиться в личности то, что составит идеальное совершенство и в человечестве...»¹⁹. Именно соединение различных талантов и создавало совершенного, образцового историка. Эти качества личности Гревс проецировал и на человечество в целом, которое стремится к совершенству и абсолюту. В своей магистерской диссертации он резюмировал: «Историк приходится вырабатывать в себе *синтетический* тип разностороннего исследователя и мыслителя»²⁰.

Важное место ученый отводил профессиональным качествам историка. При анализе биографий и характеристик можно выделить особые качества, на которые Гревс чаще всего обращал внимание, и которые вызывали у него восхищение. Он отмечал оригинальность, яркость, пронизательность ума, несмотря на его недисциплинированность (характерную и для самого Гревса), научное остроумие, огромную ученую

¹⁷ Гревс. 1920. С. 50-51.

¹⁸ Гревс. 1896. С. 106.

¹⁹ Гревс. 1899 (а). С. 73.

²⁰ Гревс. 1899 (б). С. 464.

эрудицию, энциклопедизм. Характеризуя Лаппо-Данилевского он писал: «...энциклопедизм, но истинный, редко встречаемый, могучий по захвату и цельности, и по организованности, настоящая нерушимая база для объединяющего построения системы мира, как она отражается в сознании человека и человечества. Но этот энциклопедизм... был совершенно чужд почти неизбежных недостатков всякого энциклопедизма – поверхностности и эклектической бесхарактерности: у него же чувствовалась повсюду, и в элементах знаний, и в орудиях их синтеза самостоятельная, глубокая и сильная, именно научная мысль»²¹. Вряд ли Лаппо-Данилевский выражал Гревсу на словах суть своего таланта, нет сомнений в том, что это определение исходило из понимания самого Гревса, рисовалось как образ, причем идеальный, который он наблюдал в лице реального человека. Вообще, Гревс очень ценил такое замечательное человеческое качество, как «способность видеть и ценить в других свойства и достоинства, ему не доставшиеся»²². Важное место он отводил «могучему дару исторической интуиции», который «заставляет ... забывать налагаемые на историка оковы и влечет его от сухого регистрирования смены конкретных фактов прошлого к властному оживлению их творческим духом»²³. Умение оживлять историю, видеть в ней не просто череду сменяющих друг друга событий было одним из требований историка, которые Гревс искал у других и порой не находил. Например, в сочинениях Гизо «обнаруживается слабость исторического чувства жизни, нет живого воспроизведения, конкретного оживления прошлого»²⁴. Несовпадение воображаемого и видимого рождало неприятие, проецировало представления Гревса об образе Историка.

Более всего оживлению истории способствовали, по мнению ученого, язык и стиль историописания. При анализе характеристик ученых на первое место Гревс ставил ясность, прозрачность языка и стиля, художественность²⁵. В характеристиках историков они практически всегда стояли рядом, по очередности уступая друг другу место, но имели равное значение. Оценивая таким образом язык и стиль ученых, он подчеркивал, прежде всего, наиболее значимые и образцовые качества для себя. Поэтому его неодобрение вызывали «сухость тона и тяжеловесность

²¹ Гревс. 1920. С. 61-62.

²² Гревс. 1896. С. 43.

²³ Гревс. 1902. С. 943.

²⁴ Гревс. 1896. С. 127.

²⁵ Ср. характеристики Э. Гиббона, Фюстеля де Куланжа, Ренана, В.Г. Васильевского, французской историографии в целом: Гревс. 1896. С. 63, 212, 220, 258-259; 1899. С. 58; 1902. С. 943, 944.

изображения» Ранке, но в то же время «удивительное богатство красок и широта картины», которые историк не преминул упомянуть.

Важное значение для ученого имел выход в свет его трудов. Для Гревса это был идеал, в достижении которого он не преуспел и смело в этом признавался: «В силу, говорю, особенностей (т.е. недоверия к себе, доходившей иногда до болезненности) и в силу обстоятельств (страшной заваленности текущей работой и неблагоприятия в самом течении жизни) я мало оставляю трудов, которые свидетельствовали бы сами собой о моей исследовательской и профессиональной работе. ...Так мне грозит (т.е. образу моему) погружение во мрак. Я не страдаю честолюбием, и все же не хочется совсем пропасть в небытие»²⁶. Именно поэтому, когда речь заходила о наболевшем, ученый живо передавал сожаление, обиду и даже горечь по упущенным возможностям. Так, Гревс рефлексировал по поводу упущенных возможностей своего коллеги и ближайшего друга Лаппо-Данилевского: «Какая обида! Ведь это неверно, неправильно, несправедливо вынашивать труд бесконечное время в недрах своего духа, а не представлять его на суждение заинтересованных, хотя бы по частям, в мере его созревания! Только живой воздух общения с собратьями по труду, их искренняя и воодушевленная критика нормально поддерживает творчество, обостряет познание, закаляет убеждение... Болезненное отношение к собственной работе подрывало много сил, остановило немало результатов»²⁷. По поводу близкого по духу историка Т.Н. Грановского Гревс также отмечал, что «для понимания его значения недостаточно вчитываться в его сочинения. Он сравнительно мало писал, и его сочинения дают лишь очень неполный и бледный отпечаток его знаний и его таланта, служат лишь несовершенным показателем его научно-просветительской роли»²⁸. Такая рефлексия о наболевшем была присуща Гревсу уже с юношеских лет. В оче-

²⁶ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 2. Ср.: воспоминания учеников – Н.П. Анциферова («...Этот выдающийся ученый <...> совершенно не заботился о печатании своих трудов. Ящики его большого стола были полны рукописями. И.М. работал с изумительной щедростью, лишенной малейшей корысти, направленность его воли была в сторону учеников. Он был идеалом ученого-педагога». ОР РНБ. Ф. 27. Дневники. Т. 1. Л. 24-26) и Добиаш-Рождественской («Лишь тот, кто из году в год следил за Вашей профессорской работой, за непрестанно обновляющимися и всегда широко поставленными, глубоко разработанными темами Ваших семинариев – знает, что не в печатных книгах должен искать он ответа на вопрос о содержании Вашей научной деятельности, но в конспектах неопубликованных Ваших курсов, в заметках и тетрадях Ваших учеников, в их научных работах». *Добиаш-Рождественская*. 1911. С. IV).

²⁷ Гревс. 1920. С. 68.

²⁸ Гревс. 1896. С. 444.

редной раз собираясь написать воспоминания о последних гимназических годах, он писал своей кузине Н.Д. Бекарюковой: «Сколько было разных беллетристических мыслей, и как мало было приведено в исполнении»²⁹. Девятнадцатилетний студент-первокурсник уже тогда столкнулся с проблемой нехватки времени для фиксирования на бумаге хода своей научной жизни, воспоминаний о «прожитом и пережитом», как любил выражаться историк.

Главной целью Гревса был поиск чистой научной истины. Служение науке, а, следовательно, правде-истине ощущалось и осмысливалось как важнейшая ценность и долг. Такое трепетное, почти ритуальное отношение можно обозначить как «научная вера»: «Познание – первый член символа веры естественной религии, ибо оно – первое условие общения человека с миром, проникновения в мир, которое составляет умственную жизнь личности: познавать, значит приближаться к Богу»³⁰. Гревс прекрасно осознавал ограниченность такого идеала: наука может открыть лишь «приблизительную» истину и каждый исследователь должен быть готов к тому, что перед познающим умом человека останутся закрыты конечные проблемы бытия³¹. Такое важное для историка качество, как стремление к истине, он отмечал у многих. Заслуга Ренана, с точки зрения Гревса, в том, что ему рано представилась великая цель – «развитие ума бескорыстным умственным трудом для познания истины и смысла жизни»³²; главная особенность исторических приемов Нибура – стремление «добиться знания и понимания исторической правды»³³; Фюстеля де Куланжа – «проникнутая принципиальностью, чувством долга идея служения правде»³⁴. Подобное свойство Гревс называл идейностью, т.е. «постоянным исканием духовной пищи, жаждой истины, отыскиваемой всеми нитями познания, которые создают положительно огромный умственный капитал»³⁵. Именно таким путем создавалась разносторонняя полнота внутреннего мира. У историка вызывало восхищение умение отстаивать «свою правду», защищаться, биться до конца, так как он сам не имел такой решимости, был застенчив и скромнен. Пример Фюстеля де Куланжа в этом плане был весьма показателен: «Ф. де Куланж стремился

²⁹ Гревс И.М. – Бекарюковой Н.Д. С.-Петербург, 13 ноября 1879 г. // Человек с открытым сердцем... С. 125.

³⁰ Гревс. 1899 (б). С. 619.

³¹ Там же.

³² Человек с открытым сердцем... С. 220.

³³ Там же. С. 77.

³⁴ Гревс. 1902. С. 944.

³⁵ Гревс. 1899 (а). С. 65,73.

только к истине; он долго сомневался, пока искал ее; только когда приходил к убеждению в своей правоте, он проникался последним всецело, и когда затрагивали такие его взгляды, ему казалось, что оскорблена сама правда...»³⁶. Такое поведение заслуживало не только уважения, но и должно было служить образцом для других (Гревса в том числе). В этом смысле и несовершенные истины, добываемые истинным научным трудом, по мнению ученого, делают человека способнее к творческой интуиции и провидению высшей тайны познания³⁷.

Идейность и служение правде невозможны, по мнению историка, без объективности. Именно взвешенный и независимый взгляд должен был служить познанию истины. При характеристике исследовательских приемов это первое, с чего начинал Гревс, каждый историк маркировался по этому принципу. Ученый придерживался взгляда Фюстеля де Куланжа о том, что «...надобно создать новую, правильную, беспристрастную [историю], и для этого забыть личные симпатии и предрассудки современности, погрузиться в подлинные памятники и почувствовать правду в таком чистом источнике, воссоздав ее в виде стройного научного здания, воплощающего достоверную схему прошлого развития, а не фантазию историка»³⁸. Причины субъективности в истории Гревс видел в предвзятых мнениях, которые были вызваны национальными, религиозными или политическими пристрастиями. Он называл это «догматизмом», под которым понимал «доктринерство» – подчинение изложения и построения истории предвзятым философским, религиозным и особенно политическим, часто узким, теориям. «Только отрехшись от современных воззрений, можно уразуметь далекие эпохи, коренным образом отличавшиеся от нынешних»³⁹ – вот то правило, с позиций которого воспринималась своя деятельность и деятельность других. По замечанию Гревса, одной из главных заслуг Ранке была объективность. Свобода от повседневной политической деятельности, отсутствие которой мешало Гизо и ученикам Ранке, во многом помогла Ранке. Звание «Великого историка» по той же причине заслужил у Гревса и Гиббон⁴⁰. Для ремесла историка вообще важна дистанция не только временная, но и территориальная. Именно поэтому, по мысли Ивана Михайловича, русский историк-медиевист гораздо более объективен в своих оценках и выводах, нежели западный историк, занимав-

³⁶ Гревс. 1902. С. 944.

³⁷ Гревс. 1899 (б). С. 620.

³⁸ Гревс. 1902. С. 939.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Гревс. 1896. С. 64.

шийся подобной тематикой: «Русский историк-исследователь и историк-мыслитель может <...>, работая над всеобщей историей, внести в развитие исторических взглядов, в выявление сущности исторических явлений и смысла исторических проблем, оригинальную и свежую, беспристрастную точку зрения, чуждую национальных предпочтений и традиционных предрассудков, от которых часто нелегко освободиться ученому западному»⁴¹. Интересно, что при характеристике западных историков, первое, на что обращал внимание Гревс, это был субъективизм автора. Предвзятость во многом чувствовалась им и во французской, и в немецкой, и в английской историографии. При характеристике русских историков этот фактор отходил на второй план, но не исчезал.

В исторической науке конца XIX – начала XX в. господствовал взгляд на настоящее, как на источник вопросов, ответы на которые можно искать в прошлом. Этого ретроспективного взгляда придерживался и Гревс, который вовсе не противоречил с другим очень важным для историка принципом отрешения от настоящего, вживанием в прошлое. Оба условия – отрешение от настоящего и жизненное единство с его исторической сущностью – историк должен уметь сочетать так, чтобы они взаимно соединяли и дополняли друг друга. Понимание настоящего дает план исследования прошлого, указывает те пункты, на которых преимущественно должна сосредоточиться аналитическая мысль. Но в то же время в деятельность этой мысли историк не должен вносить созданные современностью субъективные симпатии и воззрения⁴².

При рассмотрении проблем субъективности большое значение для Гревса имела связь истории и философии. Историка возмущали философские построения, которые предшествовали историческим. Именно в этом он видел главную причину догматизма Юма и Гегеля. «Юм вносит в историческую работу философскую, предвзятую мысль... сильно узко субъективный элемент и применяет совсем не историческую точку зрения...»⁴³. И схема Гегеля «была взята не из жизни изучения прошлого, а из разума; она налагалась на историю сверху вниз, под нее подгонялись события и явления уже искусственно. Это была идея и схема, навязанная истории... Она не ставила даже вопроса о необходимости исторической проверки; не изучала истории в целом виде, хотя строила ее всю; пользуясь фактами случайно, поскольку они подходили к ней, или же насильственно видоизменяла факты»⁴⁴. Гревс призывал бороться против

⁴¹ Там же. С. 488.

⁴² Гревс. 1902-1903. С. 62.

⁴³ Гревс. 1896. С. 359.

⁴⁴ Там же. С. 250.

«ломки истории под идею», навязанных схем, довлевших над историей, против совершенно ненаучной произвольности – антинаучности. До конца дней он не мог принять «легковесных» построений социологии, исторического материализма и других произвольных схем. История для Гревса – свободная наука, которая не выносит гнета и насилия. Но подобные рассуждения историка вовсе не исключали философского знания и его пользы для истории. Еще в юношеском возрасте историк отмечал одно из главных достоинств историка – философский взгляд на проблему⁴⁵. В этом отношении показателен для него пример Лаппо-Данилевского, который тоже увлекался философскими и теоретическими вопросами науки: «Философ в А.С. Лаппо-Данилевском начинал преодолевать историка, но от первоначального избранного призвания... его *философствование всегда служило целям и интересам истории* (выделено мной. – К. Г.), как он понимал их, и как это понимание развивалось, вырастая в концепцию широкой полноты и стройности»⁴⁶. Философия должна вырастать из понимания истории. Эту мысль Гревс часто называл «строящей», она должна была сопровождаться суровой критической работой. Особое его уважение вызывали теоретические и методологические рассуждения и труды Э. Бернгейма, В. Вундта, П. Виллари, Г. Риккерта, М.Н. Петрова, Н.И. Кареева, А.С. Лаппо-Данилевского, В. Соловьева, С.Л. Франка, Н. Лосского (их работы он предлагал студентам в качестве внеучебных пособий). Философию Гревс больше сводил к теории и методологии истории. И в этом отношении она казалась ему необходимой и незаменимой.

Важным показателем ремесла историка для Гревса было стремление представить цельность рисуемой картины: «Стремление связать детальные разыскания даже в области очень узкого вопроса с широкой задачей освещения общих проблем истории человечества»⁴⁷. Это требование связано с методологическим основанием всемирно-исторической точки зрения, сторонником которой он являлся до конца жизни. Перед студентами в аудитории он так формулировал ее суть: «Важно, что всемирно-историческая точка зрения должна стоять перед глазами всякого, хорошо подготовленного историка, что каждый их них, если он обладает научным вкусом, останавливаясь даже на очень специальном предмете национальной или местной истории, будет всегда спрашивать себя, какое значение будет иметь его исследование для построения общей

⁴⁵ Гревс И.М. – Бекарюковой Н.Д. С.-Петербург, 14 сентября 1879 г. // Человек с открытым сердцем... С. 123.

⁴⁶ Гревс. 1920. С. 60-61.

⁴⁷ Гревс. 1896. С.212.

биографии человечества или которой-нибудь из его ветвей, ясное представление о которых необходимо для позднейшего широкого синтеза общего развития великого целого»⁴⁸. Генетический подход был наиболее плодотворным в исследовании различных проблем, любых периодов и стран, поскольку служил одной цели – познанию человечества в его исторических судьбах. Именно поэтому те историки, которые шли в том же направлении, получали весьма высокую оценку Гревса (например, Гиббон, Фюстель де Куланж, Ренан, В.Г. Васильевский). Всемирно-историческая точка зрения рассматривалась Гревсом не как готовая статичная философская схема построения истории, а как «методологическое обобщение» генетического взгляда на историю⁴⁹.

Одной из задач исторического познания конца XIX – начала XX века был «суд над историей», где лично историку в этом процессе отводились ключевые функции. Требование нравственной оценки при изображении истории являлось важным и для Гревса. При характеристике Эдгара Кинэ историк пояснял смысл, который он вкладывал в эту оценку: «Рассмотрение истории с точки зрения определенного общественного идеала»⁵⁰. Но «судебный процесс» не должен быть слепым и беспощадным. Гревс прекрасно осознавал ограниченность подобной процедуры: «Внесение этого элемента в историческую работу должно сопровождаться большой осторожностью, ...она требует высокого беспристрастия и значительной чуткости от общества, к которому историк обращается»⁵¹. Таким образом, он выстраивал рамки, переход за которые считался одновременно и неэтичным, и неисторичным. Именно поэтому критике были подвергнуты взгляды Г.Т. Бокля, который придавал мало значения нравственному фактору, признавая его почти неподвижным. Мы вновь фиксируем проблему, когда собственные представления сталкиваются с «иной» действительностью.

Стремление «искать в истории настоящее поучение, понимание человеческой природы и смысла жизни» также было важной функцией исторической науки⁵². Принцип античных историков «история – наставница жизни» не потерял своего значения и на рубеже XIX-XX вв., хотя и не в том «элементарном прагматическом смысле». Если античный историк искал в прошлом прямых конкретных образцов мудрости и нравственности, то историк рубежа веков искал в ней уже «уразумения

⁴⁸ Там же. С. 8. Выделение – авт.

⁴⁹ Подробнее см.: *Гревс*. 1902-1903. С. 24-75.

⁵⁰ *Гревс*. 1896. С. 170.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 83.

того, как сложилось настоящее из прошлого, чтобы лучше действовать на это настоящее, зная, как оно выросло»⁵³. По мнению Н.Н. Алеврас, воспитательная роль истории рассматривалась также и в качестве инструмента создания личности-гражданина, человека новой культуры, обладающего национальным самосознанием и умеющим распоряжаться историческим опытом⁵⁴. Тем самым Гревс отмечал качественно новый уровень нравственной оценки в истории.

Наибольшее значение для историка имели проблемы теории и методологии исторической науки, принципы и техники построения текста и истории в целом. Гревс признавал, что методы исследовательской работы и понимание сущности науки всегда были характерными особенностями духовной фигуры выдающегося историка⁵⁵, то есть являлись неразрывной и показательной стороной личности любого ученого. При анализе методологических подходов историков Гревс то и дело видел изъяны, недостатки, конечно, не забывая о достоинствах. Сам ученый не находил в реальной жизни идеального историка, но можно попытаться вычленив некий собирательный образ, который будет вырисовываться из совокупных представлений историка, его оценок «другого».

Гревса часто привлекал не сам текст того или иного исторического сочинения, а способы его построения: «Оригинальность и интерес работы выражаются не в самой хронологической схеме ее, а в том, *как* выбирается материал и группируется в картину, *как* разворачивается в цепь событий и явлений, а этот выбор и построение вытекают из самой основной идеи и задачи работы»⁵⁶. Так историк оценивал главный труд Мишле, который в плане содержания не получил высокой оценки Гревса, но обратил на себя внимание именно методическими приемами построения текста. Вопрос *как* для Гревса был приоритетным.

Исторический источник выступал главным материалом при построении истории. Важнейшими вопросами были такие: как историк владеет критикой источника, как выстраивает свои гипотезы на его основе. Критика источника, установление его достоверности – первое с чего должен начинать настоящий историк. В этом отношении для Гревса практика изучения источника Нибура, основанная на отрицательном и положительном правилах, являлась образцовой. Отрицательное правило Нибура – критика источника: расчленение каждого источника, вы-

⁵³ Гревс. 1902-1903. С. 60.

⁵⁴ Алеврас. 2003. С. 52.

⁵⁵ Гревс. 1902. С. 941.

⁵⁶ Гревс. 1896. С. 158. (Выделение – К. Г.)

деление субъективного элемента. Гревс подводил свою черту: «Стало быть, капитальная основа нибуровского метода состоит в том, что он отличает форму, в которой передается нам история... от действительно совершавшегося, и пытается представить это последнее очищенным и освобожденным от субъективного толкования и коллективного творчества»⁵⁷. Вновь поднимался вопрос о столкновении объективного и субъективного, вымысла и реальности, но уже относительно самого источника. Положительное правило Гревс передал следующим образом: «Когда все источники анализированы, <...> нужно вдуматься в каждый отдельный кусок подготовленного материала, ставить их рядом, представлять их ясно в своей голове, сопоставлять, группировать, проникаться изображаемым в них прошлым, погрузиться в него, понять и представить себе изучаемый исторический период во всей его своеобразности, отрешиться от действительности (современности), пережить прошлое, как настоящее. Потом <...> комбинировать изученный и хорошо понятый материал, строить из него историческую картину»⁵⁸. Этого алгоритма должен придерживаться любой историк: сначала детальное разложение и изучение источника, а после создание общей картины. Гревс выступал и с назидательной функцией – «делай так же!» Но в то же время у него отсутствовало раболепное отношение к букве источника, живая интерпретация при исследовательской работе была немаловажной составляющей. Например, куланжистскому пониманию критики источника «Тексты, тексты и ничего кроме текстов!» Гревс противопоставил свое понимание: «Слепое следование и служение источнику-тексту, может незаметно привести познающий ум к бессилию, привязать его к букве предания, выработать неспособность или нерешительность при открытии его духа: рабство перед источником так же может мертвить понимание прошлого, как подчинение чужому непродуманному взгляду или собственному поверхностному обобщению»⁵⁹.

В исторической литературе распространено мнение о том, что Гревс являлся «подражателем» традиций Фюстеля де Куланжа, строил свою историю на тех же принципах и основаниях, что и «учитель науки»⁶⁰. Но подобные утверждения можно развеять, если внимательно присмотреться к анализу Гревсом методических приемов Фюстеля де Куланжа. Практически ни один из методов французского историка не

⁵⁷ Там же. С. 77-78.

⁵⁸ Там же. С. 80. (Выделение – авт.)

⁵⁹ Гревс. 1902. С. 942.

⁶⁰ Алтаов. 1949; Вахромеева. 2001. С. 39-43.

получил прямого одобрения, Гревс выделял как положительные, так и отрицательные стороны теории критики источника и принципов построения текста. Эти замечания можно отнести и к принципам работы самого Гревса. Во-первых, «нельзя каждому новому исследователю отвергать все, что сделано до него»⁶¹. Необходимо, наоборот, опираться на сложившиеся исследовательские традиции, подходя к ним критически. Одно из главных методологических правил Гревса заключалось в том, что каждая новая работа должна вырастать из всех предшествующих⁶². С подобными высказываниями он обращался к аудитории: «Мы должны знать замечательных ее [исторической науки] деятелей, поддерживать преемственность исторических идей, просвещаться и подниматься близостью и влиянием гениальных представителей той отрасли знания, которой мы служим»⁶³. Т.е. сохранение традиции с помощью преемственности идей и принципов должно стать важной задачей историка. Гревс призывал не к слепому следованию или копированию чужого опыта, а к внимательному изучению и, как следствие, к собственному оцениванию. Именно поэтому каждый свой лекционный курс или научное исследование историк предварял обширным историографическим обзором, который порой занимал половину от всего объема сочинения.

Во-вторых, «не отрицая огромного значения аналитического разыскания <...>, объединяющий синтез необходим не только в конечный момент, когда воссоздается цельный образ изучаемого явления или эпохи; он неизбежен и гораздо раньше, еще на предварительных ступенях... Такие синтетические приемы одни приводят к уразумению настоящей причинности...»⁶⁴. Проблема соотношения анализа и синтеза для Гревса была ключевой. Он всегда ставил перед студентами нелегкую задачу: какие методы выбрать и как умело их комбинировать. «И тот, и другой методы имеют каждый свое преимущество... Синтетический дает возможность охватить одним взглядом обширную картину, изображающую большой период или большое явление. Но он требует... хорошей подготовки, ...помимо обширных специальных знаний и продолжительного опыта большого исторического, философского и даже художественного таланта. <...> Он может преимущественно лишь будить мысль или обобщать предшествующую аналитическую работу. <...> Аналитический вводит в настоящую сущность явления, знакомит

⁶¹ Гревс. 1902. С. 942.

⁶² Гревс. Отчет о занятиях за границей... С. 242.

⁶³ Гревс. 1896. С. 217.

⁶⁴ Гревс. 1902. С. 942.

с его действительной физиономией. Он рассматривает источники, разрабатывает историю изучения вопроса в научной исторической литературе, т.е. идет генетическим путем, не только в изучении самого явления, но и при воспроизведении его изучения в науке. Стало быть, он именно дает возможность получить разнообразные и твердые знания, так как не только будет сообщать результаты, но и раскрывать самый ход и приемы работы, которой они добыты. Я твердо убежден, что такого именно метода надо держаться в общем правиле – он посильнее и плодотворнее. Но требует много времени⁶⁵.

Таким образом, при детальном изучении источника или вопроса Гревс отдавал преимущество аналитическому методу, который отличался глубиной. Но синтез также необходим, причем не только на последней стадии, но и на протяжении всего хода исследовательского процесса. Только сочетание и равновесие обоих методов приводили к плодотворным результатам. В то же время «историк не может уклоняться от правильного пользования вспомогательными приемами <...> – конструкцией, сравнением, аналогией, предварительными синтетическими обобщениями и т.д.»⁶⁶. Гревс вновь подчеркивал, что слепое следование какому-либо одному методу, игнорирование остальных, приводит к односторонности и формализму, никак недопустимым в науке.

В-третьих, Гревс подчеркивал необходимость «орудовать творческим воображением, чутьем, глазомером, комбинированием и дополнением при воспроизведении внутреннего хода исторического процесса. Историк должен не только констатировать, но и *объяснять*. А при выполнении такой задачи и он – наблюдатель и экспериментатор текстов не может обойтись без гипотез, которые одни поднимают мысль над фактом»⁶⁷. Такой антитезис выдвинул Гревс против куланжистского «история – наука “наблюдения”, а не “построения”», считая главным при изложении умение «оживлять» историю. Гипотезы не выступали как нечто статично-нерушимое, а служили определенной цели, могли подтверждаться или отбрасываться в процессе работы над исторической темой. Не случайно в исследовательском таланте Нибура Гревс отмечал «гениальное качество» историка – использовать гипотезу⁶⁸.

Значима для Гревса была проблема предмета истории. Поиск человека, человеческого лица в нескончаемом историческом водовороте ви-

⁶⁵ Гревс. 1896. С. 492. (Выделение – авт.).

⁶⁶ Гревс. 1902. С. 942-943.

⁶⁷ Там же. С. 943. (Выделение – К. Г.).

⁶⁸ Гревс. 1896. С. 82.

делся ему одной из важных задач: «Вся история звучала у меня личностями, различными индивидуальными образцами...»⁶⁹. Он упрекал Ф. де Куланжа, что тот ставил предметом исследования *общество*, явления жизни народов, а не «*нестроту фактов биографии личностей*»: «Ф. де Куланж желает орудовать большими числами, а на мелкими единицами, рассматривать широкие течения коллективной, массовой жизни, а не оценивать мало значащие в общем ходе истории деяния отдельных людей ... Он рисует себе человека лишь в массе и в постоянной связи с землей, низводя даже гений в положение послушного машиниста, невольного исполнителя не им подготовленных революций...»⁷⁰. В то же время, характеризуя Ранке, Гревс отмечал в качестве недостатка то, что он «изображает историю как дело отдельной выдающейся личности, но не вполне понимает процесс массовой жизни и даже относится с некоторой антипатией к изображению жизни народа»⁷¹. Ни история безликого общества, ни история выдающихся личностей не были приемлемы для Гревса. Он придерживался «золотой середины»: важнее было попытаться вписать личность в эпоху или увидеть эпоху через личность. Большую известность получили, например, «экономические биографии», которые составили основу диссертационного исследования ученого. Диалектическая связь личности, общества и времени в истории красной нитью проходила через все исследования Гревса, именно этому он учил своих учеников. Не случайно на первое место заслуг французской историографии он ставил именно «поиск человека в истории вместо фактов»⁷².

В историке, по мнению Гревса, должен сочетаться талант ученого-исследователя и общественно-педагогического деятеля – «учителя науки». Он придерживался того мнения, что «у нас на родине именно особенно настойчиво и громко надобно “учить науке” еще закрытые для нее умы, привязывать к ней глухие сердца»⁷³. Идеал историка, гармонично сочетавшего качества ученого и педагога, Гревс видел в Т.Н. Грановском, В.О. Ключевском, П.Н. Кудрявцеве. Тайна их духовных образов для Гревса заключалась именно в полноте и цельности, с которыми у них комбинировались в живом единстве превосходные природные дарования. Стремление к этому идеалу было связано с тем, что сам ученый не мог примирить эти качества и признавался, что «по своему научному темпераменту <...> был более профессором, чем кабинетным

⁶⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 15/3. Л. 6.

⁷⁰ Гревс. 1902. С. 943.

⁷¹ Гревс. 1896. С. 258. (Выделение – авт.).

⁷² Гревс. 1899 (б). Т. 1. С. 162.

⁷³ Гревс. 1899 (а). С. 31.

ученым, исследовательское рвение <...> горело больше...»⁷⁴. Именно тип учителя, который не порывал связи с наукой и «обеспечивал себя от рутины и омертвения», наиболее привлекал Гревса. Самого Ивана Михайловича ученики называли идеальным ученым-педагогом.

Главной целью университетского преподавателя, по мнению историка, было умение своим «трудом содействовать отысканию истины», «возвещать и выяснять ее перед слушателями», способствовать развитию их мировоззрения, с одной стороны, способствуя развитию в них гражданских (патриотических), с другой – нравственных чувств. Подобная задача посильна лишь тому, кто сам «крепок в научных знаниях и непоколебимо тверд в убеждениях»⁷⁵.

Историк понимал, что достижение этого идеального образа практически невозможно: «трудно встретить отдельную личность, которая соединяла бы в себе все <...> качества. Почти невозможно одному человеку достигнуть высокого и равномерного развития таланта и знания, ума и воображения, трудовой выдержки и идейного энтузиазма, широкой общественности и высшей честности: отсюда – *несовершенства в образе* [выделено мной – К. Г.] каждого выдающегося университетского деятеля», но с другой стороны, «все эти свойства, обнаруживаясь и вырабатываясь в личности, могут приобретать неравную силу, воплощаться различно и сочетаться неодинаково: отсюда множественность типов хорошего профессора»⁷⁶. Именно поэтому и Моммзен, и Ранке, и Фюстель де Куланж, и Васильевский, и Лаппо-Данилевский были выдающимися учителями науки, но *разными* по своим качествам, характеру, темпераменту, подходу и отношению к ученикам. Выдающийся профессор еще не означал идеального профессора.

Гревс подчеркивал особенность, неповторимость, уникальность дарования педагога. Он отмечал: «В.Г. Васильевского нельзя было назвать хорошим лектором в обычном понимании этого слова», но он «смело и серьезно может и должен быть назван *«хорошим профессором»*, поражающим не блеском, но глубиной своих дарований <...>, именно научным воздействием на людей...»⁷⁷. Своеобразный тип учености Гревс видел и в Моммзене, который «никогда не был блестящим лектором и популярным профессором, но всегда был *превосходным руководителем в научной работе*, группировавшим около себя выдаю-

⁷⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 2об.

⁷⁵ Гревс. Первая вступительная лекция в университете, январь 1890 г. С. 225.

⁷⁶ Гревс. 1899 (а). С. 32-33.

⁷⁷ Там же. С. 34. (Выделение – авт.).

щиеся ученые силы...»⁷⁸. Фюстель де Куланж также был «превосходный профессор, приносивший в аудиторию огромные знания, редкую добросовестность, глубину и энтузиазм и отличавшийся выдающимися дарованиями лектора и учителя науки»⁷⁹. Живой талант, трепетное отношение к своей деятельности, как к долгу и служению науке, превосходные результаты в работе были для Гревса важнее, чем недостижимые идеалы.

Требовательность Гревса к выполнению почетной миссии – профессорства исходила из тех правил, которые он предъявлял к себе и окружающим. Оценивая общественный труд Васильевского, Гревс обозначил необходимость для каждого профессора «определенного общественного идеала, способность проводить его постоянно и стойко <...>, обладание нравственным характером, который авторитетно действовал бы...»⁸⁰. Совокупность требуемых от профессора интеллектуальных и моральных качеств делала из него истинного учителя науки и учителя жизни, общественного педагога в широком смысле и ставило его на желанную высоту. Помимо этого требовались «основательная и твердая ученость», специальная подготовка и постоянное ее усовершенствование, движение за прогрессом в науке. Интеллектуальность университетского преподавателя должна была основываться на базе общего научного образования – «*философского мировоззрения*».

Профессор не мог достичь главной цели – воспитывать наукой своих учеников, если сам не проникался «бескорыстной жадной общей истины, которая связывала его постоянным *одушевлением*». Он также должен «любить и чувствовать юношество, к которому он обращался, чтобы понять его высшие интересы, следить за ним и симпатизировать ему». Историк призван служить лучшим потребностям растущих поколений с помощью слова и личного общения, поэтому он «должен был обладать нелегким искусством сближать их членов с наукой, зажигать их силой речи, уметь выбирать, строить, излагать научный материал так, чтобы он входил в сознание слушателей, возбуждая ум, волнуя чувство, перерождая душу». Это могло дать результат, только будучи применено с энергией и последовательностью, без которых «нельзя было образовать *школы*, а школа – это упрочение этого дела, залог преемства его идеи»⁸¹.

Создание своей школы – заветный результат деятельности профессора, его исследовательского труда и педагогических способностей. При

⁷⁸ Гревс. 1896. С. 317. (Выделение – К.Г.).

⁷⁹ Гревс. 1902. С. 937.

⁸⁰ Гревс. 1899 (а). С. 32.

⁸¹ Там же. С. 31-32. (Выделение – К. Г.)

характеристике историков Гревс отмечал учительский талант, умение спланировать вокруг себя студентов и молодых ученых, передавать опыт будущему поколению, «хранить и развивать традицию чистой научной культуры, передавать в грядущее элементы вечного»⁸². Важную роль в создании научной школы играла семинарская система занятий, которая стала складываться в последнюю треть XIX в. Немецкие ученые, несмотря на многие изъяны в методике построения истории, заслужили уважение Гревса, так как для них создание школы было главным делом: «Отношения профессоров к студентам характеризуются там плодотворной близостью и серьезностью; он [профессор] вместе с ними работает над занимающими его вопросами и создает маленькую школу вокруг себя»⁸³. Уникальный учительский дар находил Гревс у создателя семинарской системы в Германии Ранке: «Чтобы понять, какой он учитель, нужно было присутствовать на его исторических семинариях. <...> Учитель передавал ученикам свои выводы, так создавалась и росла историческая традиция»⁸⁴. Во Франции Фюстель де Куланж «...создавал в специально устроенном им семинарии образцовую ученую школу»⁸⁵. В России, по Гревсу, фундамент для исторического семинария в Петербургском университете заложил Васильевский: «Он посвящал свои практические занятия чтению и интерпретации какого-нибудь памятника <...>, или предлагал студентам производить небольшие историко-критические исследования по первоисточникам, задавался целью систематически разобрать какое-нибудь капитальное ученое сочинение или историографический вопрос... Это был *важнейший элемент* [выделено мной. – К. Г.] его профессорских забот»⁸⁶. В Московском университете проводниками семинарской системы были профессора всеобщей истории В.И. Герье и П.Г. Виноградов: «Оба профессора <...> группируют около себя известное число молодых ученых, бывших их слушателями и остающихся учениками, которые работают под их руководством, и из которых с течением времени может образоваться маленькая школа историков с “культурно-историческим” направлением преимущественно из ближайших учеников профессора Герье, с “социально-экономическим” под влиянием особенно профессора Виноградова»⁸⁷.

⁸² Гревс. 1923. С. 258.

⁸³ Гревс. 1896. С. 319.

⁸⁴ Там же. С. 261.

⁸⁵ Гревс. 1902. С. 937.

⁸⁶ Гревс. 1899 (а). С. 58.

⁸⁷ Гревс. 1896. С. 465. См. также с. 461, 464.

Но казенная обстановка университетских занятий, по мнению Гревса, не могла в полной мере сблизить учителя и учеников. Их сотрудничество продолжалось в неформальном общении (очень часто в позднее время на дому у преподавателя), которое приносило большую пользу и радость не только студентам, но и профессору. Такое состояние Гревс называл «духовным союзом». Поиск духовности вновь выступает на первый план. При описании учительского таланта Лаппо-Данилевского Гревс обращал внимание на эту особенность: «Общение его с учениками выражалось не в одних лекциях, семинариях, отдельных советах, но и в постоянном духовном союзе. Времени для них он не щадил и не жалел»⁸⁸.

Модели взаимоотношений учителя и учеников были различными. Гревсу было чуждо высокомерие и надменность, поэтому эти качества он не принимал и у учителей-профессоров. Ученый, отмечая неприемлемые качества для научного руководителя и наставника, тем самым противопоставлял им свое представление образа Историка. Неприятное впечатление у еще молодого Гревса вызвало отношение французского ученого Поля Гиро к своим ученикам: «Он критикует работу с большой строгостью, даже придирчивостью, лишь неохотно хваля хорошую и тяжело обрушиваясь на недостатки плохой. Тон его обращения резкий и обыкновенно недовольный; замечания часто колкие, ответы нередко саркастические»⁸⁹. Напротив, описывая Васильевского, он подчеркивал, что «равнодушия к студентам у него не было никогда, точно также как не было поверхностности, подозрительности, неприятного отношения свысока»⁹⁰. Или Фюстель де Куланж, который «заблуждался часто, но всегда был искренен и никогда не стремился давить учеников своим авторитетом»⁹¹. Таким образом, заинтересованность в каждом ученике, близость, отзывчивость, искренность, уважение к личности каждого, запас снисходительного терпения, умение искренне радоваться даже небольшим успехам учеников, полная самоотдача, желание помочь найти им собственный путь исследования, наставничество – важные качества профессора для Гревса: это была «цель, которая давала смысл, служила источником сильной поддержки духа: то было преподавание, радость в учениках»⁹². По словам Гревса, именно ученики лучше всех

⁸⁸ Гревс. 1920. С. 71.

⁸⁹ Гревс, Погодин. 1892. С. 205-206.

⁹⁰ Гревс. 1899 (а). С. 60.

⁹¹ Гревс. 1902. С. 944.

⁹² Гревс. 1920. С. 70.

смогут описать сокровища сильного, тонкого и особенного таланта своего учителя. Только в них вложен весь труд и вся жизнь профессора: сохранение, передача и преумножение традиции. Гревса призывал всех учеников оставлять воспоминания о своих учителях.

Итак, анализируя источники различного происхождения, мы попытались вычлнить опосредованный образ Историка, каким его представлял И.М. Гревс. Этот образ создавался как конструкт желаемого, не всегда совпадавший с действительностью (т.е. личностью самого Гревса). В образе Историка ему важно было создать «правдивое изображение», проявить возможность психологического взгляда. Духовность задавала стержень, вокруг которого было сосредоточено содержание личности. Религиозность выступала как потребность веры в высший смысл. При этом научное и религиозное мировоззрения должны были составлять стройное единство.

Историк-универсал, сочетавший в себе исследователя, мыслителя, художника, популяризатора, являлся совершенным идеалом, к достижению которого должен стремиться каждый профессионал, обладая оригинальностью и проницательностью ума, научным остроумием, исторической интуицией, ученой эрудицией, энциклопедизмом, умением «оживлять историю», прозрачностью и ясностью языка. Это, безусловно, проявлялось посредством оживленной издательской деятельности, внутри- и межсетевое общения, что способствовало научному росту.

Служение науке ощущалось и осмысливалось как важнейшая ценность и долг. Целью историка был поиск чистой научной истины. Такое почти ритуальное отношение можно обозначить как «научная вера». Сам историк называл это «идейностью» – постоянным исканием духовной пищи, жажды истины, отыскиваемой всеми нитями познания, которые создавали огромный умственный капитал. Объективность, стремление изображать исторические события беспристрастно являлись важным показателем этой идейности. Но субъективность часто мешала истинному взгляду. Причины ее историк связывал с «догматизмом» или «доктринерством», т.е. национальными, религиозными или политическими пристрастиями. Двояким было отношение историка к философии. С одной, стороны, он не принимал любые схемы, довлевшие над историей, с другой – считал философию необходимой для исторической науки, в большей степени как методологическое основание.

Непрерывным требованием являлась целостность рисуемой исторической картины, вытекающая из всемирно-исторического принципа построения истории. Сегодня мы бы обозначили это как сочетание мик-

ро- и макроподходов. Важным показателем ремесла историка было умение давать нравственную оценку историческим событиям и людям, но от историка требовалась большая осторожность, высокое беспристрастие и значительная чуткость.

Принципиальное значение для Гревса имели проблемы теории и методологии исторической науки. Правила, которые историк предъявлял к себе и окружающим, исходили, безусловно, из собственного понимания и видения путей построения истории. Тщательная критика источника вовсе не означала перед ним раболепства, которое мертвило понимание прошлого, подчиняло чужому непродуманному взгляду или собственному поверхностному обобщению. Обязательным было обращение к предшествующему опыту, учет всех достоинств и недостатков, трезвая и взвешенная критика. Важным являлось умение историка сочетать и уравнивать различные исследовательские методы и приемы: анализ и синтез, сравнение и обобщение и т.д. При этом синтез был характерен не только для последней стадии обобщения, но и для предварительных выводов. При разработке любой проблемы историк должен прибегать к гипотезам, доказывая и опровергая их в процессе исследования. Ученый должен не просто констатировать, но и *объяснять*, таким способом оживляя историю, придавая ей эмоциональный оттенок. Предметом исторической науки для Гревса выступал человек в неразрывной связи с обществом. Важным принципом исследовательской работы историка была способность «видеть эпоху через личность».

Идеал для Гревса – тип ученого-профессора, главный результат деятельности которого – создание собственной научной школы, сохранение и передача традиций будущему поколению. Созданию школы (и «научению») способствовало общение учителя и учеников на лекциях, семинарских и практических занятиях, неформальные встречи за стенами университета – все это Гревс называл «духовным союзом». Ему представлялся образ профессора-наставника, который был отзывчив, искренен, заинтересован в каждом ученике, поддерживал своим авторитетом, строил отношения на равных и полностью отдавался работе.

Так нам рисуется «образ Историка», каким его видел И.М. Гревс. Он всегда был приближен к действительности и, безусловно, исходил из системы ценностей самого историка и его времени. Все ученые, которых характеризовал Гревс, оценивались исходя из мысленной конструкции – «цельного» образа Историка. Стоит заметить, что Гревс при создании характеристик историков руководствовался именно образом, созданным в процессе работы, видоизменявшимся со временем и состоявшим из различных элементов, а не брал за образец конкретного историка.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н.Н.* Очертания культурного пространства русской историографии XIX века // Исторический ежегодник, 2002-2003 / Под ред. В.П. Корзун и А.В. Якуба. Омск, 2003.
- Алпатов М.А.* Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М.-Л., 1949.
- Беленький И.Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2005. С. 37-54.
- Беленький И.Л.* Образ историка в русской культуре XIX–XX вв. (Предварительные соображения) // Историк во времени. Третьи Зиминские чтения. М., 2000. С. 14-26.
- Бычков С.П., Корзун В.П.* Введение в историографию отечественной истории XX в.: Учеб. пособие. Омск: Издательство ОмГУ, 2001.
- Вахромеева О.Б.* «Опыты истолкования души»: воспоминания И.М. Гревса об учителях, коллегах и учениках // Историография и источниковедение отечественной истории. СПб.: Техника, 2001. С. 271-275.
- Вахромеева О.Б.* Человек с открытым сердцем // Санкт-Петербургский университет. 2001. № 12-13.
- Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
- Гревс И.М.* История средних веков. Лекции, читанные на Санкт-Петербургских Высших Женских Курсах в 1895-1896 гг. Сост. Слушательницами 3-го курса. СПб.: лит. Богданова, 1896. Ч. 1.
- Гревс И.М.* Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки. Набросок воспоминаний и материалы для характеристики // ЖМНП. 1899 (а). № 8.
- Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения. (Преимущественно во время империи). Т. 1. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899 (б).
- Гревс И.М.* История происхождения, развития и разложения феодализма в Западной Европе. По лекциям проф. И.М. Гревса. Сост. Слушательницей С. Сопридовой. СПб.: литография Богданова, 1902–1903. 503 с.
- Гревс И.М.* Памяти В.Э. Крусмана // *Анналы*. 1923. № 2.
- Гревс И.М.* Предисловие от редактора // *Вебер М.* История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Пг.: Наука и школа, 1923.
- Гревс И.М.* Фюстель де Куланж Ж. // *Энциклопедический словарь* / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1902. П/т. 72.
- Гревс И.М., Погодин П.Д.* Очерки современного исторического преподавания в высших ученых заведениях Парижа // Историческое обозрение. СПб., 1892. Т. 4.
- Гревс И.М.* Первая вступительная лекция в университете, январь 1890 года // Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Авт.- сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004.
- Гревс И.М.* Отчет о занятиях за границей. Часть 1. (Неаполь 5 марта / 21 февраля 1891 года) // Человек с открытым сердцем...
- Добиаши-Рождественская О.А.* Предисловие // К 25-летию учено-педагогической деятельности И.М. Гревса. Сб. статей его учеников. СПб., 1911.
- Корзун В.П.* Образ ученого в отечественной историографической традиции рубежа XIX–XX вв. // Научная конференция памяти Н.М. Ядринцева. Историография и методология истории. Омск, 1992. С. 19-22.

- Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: ОмГУ; Изд-во Уральского ун-та, 2000.
- Мамонтова М.А.* Образ русского историка в представлении С.Ф. Платонова (В.О. Ключевский и К.Н. Бестужев-Рюмин) // Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы: Материалы науч.-метод. конф. Омск, 2000. С. 63–66.
- Мамонтова М.А.* К вопросу об образе С.Ф. Платонова (по материалам периодической печати 80-х гг. XIX в – первого десятилетия XX в.) // Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII–XX вв.): Материалы Третьей всероссийской науч. конф. «Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.)». Т. 1. Омск, 1998. С. 116–119.
- Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография / Под ред. В.П. Корзун. Омск: Издательство ОмГУ, 2005.
- Павлова Т.А.* Психологическое и социальное в исторической биографии // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М.: ИВИ РАН, 1995.
- Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Авт.- сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004.
- Герш Ксения Вадимовна*** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и методики преподавания истории Кузбасской государственной педагогической академии; *bambizova@mail.ru*